

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.17223/17267080/61/7

О.В. Лукьянов, Я.Б. Частоколенко, К.О. Котикова

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Аутентификация свободы в творческих молодежных субкультурах

Рассматривается проблема аутентификации (проверки на подлинность) свободы в опыте современного человека на примере одной из творческих молодежных субкультур. Проблема аутентификации возникает как необходимое дополнение идентификации человека в контексте виртуализации, творческого развития, самоопределения. В современном мире недостаточно идентифицироваться (отождествиться) с миром или его частью. Необходимо еще и подтвердить свою идентификацию. Подтверждение, проверку идентичности мы и называем проблемой аутентификации. Осуществленный нами анализ материалов, представляющих пространство и активность ТМС, позволяет предположить, что современные ТМС – это форма противостояния фиктивности, иллюзорности и нереалистичности императива свободы выбора, предлагаемого обыденной демагогией, и утверждение императива выбора свободы, актуального в нашем мире. В статье представлен теоретический анализ смыслов выбора свободы в фокусе аутентификации, т.е. в фокусе психологической проверки опыта, образов и нарративов свободы на подлинность, достоверность.

Ключевые слова: аутентификация; свобода; творчество; идентичность; молодежная субкультура; подлинность; фантомность; миф; этическое; эстетическое.

Введение

Во многих странах мира, включая и Россию, сегодня наблюдается тенденция ухода молодых людей в творческие молодежные субкультуры (ТМС). Эта тенденция интересна как с точки зрения изучения рисков и дефицитов современного общества, так и в свете поиска современных концепций создания образовательных сред. ТМС канализируют большой психологический и человеческий потенциал. В этом есть и положительные и отрицательные стороны. В качестве социального сейфа ТМС решают проблемы занятости и мобилизации творческого потенциала (все-таки ТМС – это не секты и не деструктивные культы), но при этом отвлекают много талантов из реального социального творчества. В данной статье мы продолжаем интерпретировать результаты исследования ТМС, основанной на литературных мирах Толкина (толкинисты). Эмпирические данные и неко-

торые результаты уже опубликованы нами в других статьях [1–4]. В данной статье представлен теоретический анализ результатов исследования, позволяющий предположить, что в субкультуру молодых людей толкает отказ от императива «свободы выбора», насаждаемого современным обществом западной цивилизации, и поиск пространств «выбора свободы».

Нами выделены основные жизненные смыслы участия в ТМС, которые мы определили как аутентификации, т.е. психологические способы проверки на подлинность смысла и опыта свободы. Их три: свобода неконформизма (аутентификация свободы в практиках активного экспериментирования), свобода ноннарциссизма (аутентификация свободы в практиках активного самопостижения) и свобода нонкарьеризма (аутентификация свободы в практиках активного преобразования мира). Эти три основных направления аутентификации воплощаются в двух направлениях творчества: эстетического (мифотворчество) и этического (нормотворчество).

Осуществленный теоретический анализ позволяет поставить исследовательскую задачу изучения структуры творческих пространств, отвечающих этим измерениям аутентификации свободы. Их получается шесть (реляционная таблица трех форм аутентификации и двух форм творческой активности). Эти пространства требуют дальнейшего изучения и, будучи изученными, могут лечь в основу концепций аутентификации личностных компетенций в современных образовательных практиках.

На основании результатов исследования можно предположить, что создание новых образовательных сред, подразумевающих творческую активность всех участников, следует строить с учетом потребности в аутентификации, а не только посредством геймификации, спецификации и других современных технических тенденций в интерактивных формах обучения.

Проблема свободы выбора и необходимость выбора свободы

В двадцатом столетии общепринятым основанием для самоидентификации считалась свобода выбора. Можно предположить, что диапазон свободы выбора был небольшим и поэтому опыт свободного выбора означал одновременно и проверку на подлинность опыта и смысла свободы. В эпоху революций степени свободы выбора увеличивались. В постреволюционную эпоху в свете распространения гуманистических идей в сферу свободы выбора стали попадать такие аспекты жизни, которые ранее предметом выбора не являлись, а, напротив, определяли необходимости и неизбежности. Так в современном мире пространством свободного произвольного и, как часто утверждается, «осознанного» выбора стали религия, пол, историческое время и многое другое. Но, во-первых, степень осознанности своего выбора молодым человеком сегодня вызывает сомнение, а во-вторых, сама осознанность на определенных уровнях идентификации является проблемой. Об этом, в частности, писал Ф. Достоевский в рассказе «Сон смешного человека», утверждая что всякое сознание есть болезнь. «Сознание жизни выше жизни, знание законов счастья – выше счастья» –

вот с чем бороться надо!» [5. С. 119]. Сегодня мы можем видеть возникший в этом процессе парадокс: **при расширении возможностей свободного произвольного осознанного выбора развитие нового социального пространства оказывается территорией случайного выбора**, поскольку оно (за счет расширения свободного произвольного выбора) ненормировано в момент своего становления. Приоритет свободного выбора и, соответственно, приоритет сознания над действительностью создал проблему дефицита подлинности, неаутентичности человеческой активности.

В молодом возрасте выбор своей идентичности (выбор той жизни, с которой хочется себя отождествлять) носит рискованный, определяющий характер. В ситуации неопределенности, которая характерна для молодого возраста, этот выбор может опираться только на смысл (т.е. опыт, мифы, императивы, модели и цели должны особым образом переживаться и переосмысливаться). Опора на желания, ожидания, представления и цели, возможно достаточно адекватная в некоторых контекстах жизни, не является адекватной в значительных масштабах жизни, поскольку в масштабности жизни такие опоры иллюзорны и быстро исчезают: желания удовлетворяются, ожидания сбываются, цели достигаются и даже, если откладываются, все равно перестают нести ту необходимую энергию, которая требуется для самоопределения на всю жизнь. Но именно смысл жизни современным молодым людям часто недоступен. И дело тут не в инфантильности молодежи и не в ошибках воспитания или образования. По вполне объективным социальным причинам послереволюционного общества смысл жизни является не данностью, а задачей для молодых людей. До эпохи революций смысл жизни был «нормирован» и «задавался» культурой, но после того как многие культурные институты были отменены или преобразованы, *поиск смысла жизни превратился в индивидуальную задачу*.

Многие молодые люди с этим не справляются, что отмечается современными психологами как «экзистенциальный кризис», т.е. невозможность счастливо жить, при том что возможности и условия для «счастливой» жизни есть. Симптомами экзистенциального кризиса являются растерянность, потеря инициативности, насыщенности жизни, экзистенциальный вакуум, но в некоторых случаях нерациональная активность, которую стоило бы называть гиперреактивностью.

В нашем исследовании мы использовали комплекс интерпретативных методов, позволяющих выявить тенденции аутентификации свободы в опыте и активности участников ТМС. Экспликация векторов аутентификации свободы необходима при организации рефлексивных практик, являющихся необходимой частью исследовательского и образовательного процесса [6, 7].

Уточнение проблемы

Мы предполагаем, что наблюдаемое сегодня возникновение множества так называемых творческих субкультур, нацеленных на конструиро-

вание иной реальности и новой идентичности, это социальный ответ молодежи на формирующийся в их жизни «экзистенциальный вакуум», возникновение которого во многом обусловлено доминированием в современном западном и российском обществе идеологии *подмены ценностей присутствия ценностью бытия, а ценности бытия – ценностями обладания* (вещью, деньгами и т.п.). То есть императив свободы выбора в действительности проживается как потеря подлинного масштаба жизни.

Современные молодые люди выросли в условиях, когда множество субкультур – повседневная реальность, в самом факте существования субкультуры для них нет ничего «экзотического» (хотя субкультуры могут быть «экзотичными»). Молодым людям не приходится переступать через какие-то серьезные и жесткие морально-этические барьеры, для того чтобы войти в какую-либо отвечающую внутреннему состоянию и потребностям субкультуру. Если раньше (например, в советские времена) вхождение в «неформальный круг» предполагало и этическую коррекцию и даже серьезную мировоззренческую перестройку, то сейчас ничего подобного нет. Бывать в «разных реальностях» и при этом не страдать от проверки на подлинность своего присутствия не только считается нормальным, но даже поощряется на тренингах личностного роста.

Сознание современного молодого человека готово к восприятию неоднозначности, многомерности и множественности образов, составляющих окружающий мир. Но отсутствие жесткой «сетки норм», отвечающих императивам подлинности присутствия, способствует фантомизации социального пространства, когда многомерность мира обретает не реальные, а фантомные воплощения, человек и общается, и себя отождествляет не с человеком, а с фантомным партнером. В ТМС эта фантомизация обретает крайне интересные черты и формы, парадоксальным образом *возвращая и преобразуя реальность и подлинность бытия*. Социальные фантомы повседневной реальности уступают место виртуальности (от лат. *virtus* – «потенциальный», «возможный») как строительству возможного мира, в котором ТМС создают реальность живого общения, активного действия, прикосновения к природе, устанавливая этические нормы и ориентиры бытия, наполненного смыслом (и поисками смысла, при этом возвращая поиск смысла жизни *из индивидуальной в коллективную задачу*).

Пронизанная мифологичностью «пугающая виртуальность» игровой реальности ТМС на деле оказывается специфическим транзитивным пространством, которое обеспечивает согласование и гармонизацию символических реальностей (включая те реальности, которые относятся к «серьезной» социальности) [8]. Обывателя как раз и смущает та легкость, с которой сознание представителей ТМС перемещается из одной квазиреальности в другую, при этом не давая окончательного повода усомниться в нормальности и адекватности человека, который этими путешествиями занимается.

На основании собранных нами данных и наблюдений мы можем предположить, что представители ТМС отвечают на реальность свободы выбора и связанные с этим аспекты неопределенности выбором свободы и

практикуют такие формы выбора свободы, которые переживаются ими как подлинные, действительные, аутентичные в данный период.

В ТМС участники формируют ряд пространств, соответствующих аутентификации выбора свободы:

1. Пространство мифа, пространство «*подлинности сакрального бытия*».
2. Пространство этического творчества (нормотворчества), пространство «*подлинности социального бытия*».
3. Пространство своих и своего, пространство «*подлинной идентичности*», «*подлинного личностного бытия*».

Материалы и методы исследования

Исследования и наблюдения ведутся с 2009 г., респонденты – молодые люди и девушки (возраст от 16 до 36–40 лет), входящие в ТМС (для данного исследования мы выбрали представителей сообщества толкинистов).

В полевых исследованиях были проведены наблюдения и проанализированы различные материалы:

А) Анализ мифов, сюжетов, архетипов:

- **в первоисточниках Толкина, являющихся основой конституирования субкультурной реальности:** «Сильмариллион», «Хоббит, или Туда и обратно», «Властелин колец», «Неоконченные сказания Нуменора и Средиземья», «Речи Финрода и Андрет», «История Средиземья»;

- **в апокрифах-книгах**, написанных на основе легендарииума Толкина, но трактующих мир оригинальных книг с иной точки зрения. Мы проанализировали 2 наиболее характерных апокрифа – «Черная книга Арды» и «По ту сторону рассвета»;

- **в фанфиках-сочинениях** по мотивам оригинальных произведений. Мы проанализировали современные фанфики и архивы, содержащиеся в ведущих интернет-сообществах толкинистов (<http://www.diary.ru/~dtnybr> и <http://tolkienists.ru/load/polzovately/fanfikshn/12> (30 фанфиков 2013–2014 гг. написания);

- **в игровых сценариях:** подробно проанализированы 2 игры (по которым велось включенное наблюдение), краткий обзор – 15 характерных игр и косплеев по канону, апокрифам и фанфикам (описания представлены в сообществе <http://www.diary.ru/~dtnybr>).

- **Б) Анализ событий (и последствий этих событий) в полигонных ролевых играх**, лангедоках (павильонных ролевых играх), «сыгровках» (мини-играх, моделирующих характеры и палитру действий персонажей в будущих полигонных или павильонных играх). В общей сложности рассмотрено 17 игр и 2 сыгровки. Подробное изучение игровой реальности велось на примере двух полигонных ролевых игр (проводившихся летом 2012 и 2013 гг. в течение четырех дней в Ларинском лесном заказнике Томской области). Термином «полигонная» называется игра, проходящая на природе в течение нескольких дней. Одна из игр была по канону, вторая

– фанфик. В исследовании 2012 г. принимало участие 46 человек, в 2013 г. – 38. Поскольку сами исследователи были участниками игры, использовались следующие методы: включенное наблюдение, беседы с участниками на всех стадиях игры (при подготовке, непосредственно на игре и после нее). Рефлексивный материал после игры получили путем сбора и анализа самоотчетов, наблюдений, высказываний, интроспективных эссе участников игры. В дополнение к этому – реакцию на игровые события от участников игровых сообществ в социальных сетях (170 респондентов). Качественный анализ текстов самоотчетов, бесед и полуструктурированных интервью проводился в сочетании с анализом других материалов игры: интерпретации исходных мифов, сценария, распределения ролей, хода игры, художественных произведений (песен, картин, дизайнерских и ювелирных работ и т.п.), видео, фото.

В) Анализ информации в интернет-дневниках и сообществах, посвященных субкультурной реальности толкинистов. Анализировались три крупных сообщества, которые дают представление об общей «картине» субкультуры и актуальных темах творчества (<http://www.diary.ru/~dtnybr> (1172 члена сообщества на 3 апреля 2014 г.); Tolkienists.ru, Twitter.com/Tolkienists.ru и http://vk.com/all_about_tolkien (1834 члена сообщества на 25 июля 2014 г.); <http://www.kulichki.com/tolkien/orient.html> (информация о членах сообщества и их количестве – закрытая).

Основной метод исследования – контент-анализ, поскольку он дает возможность анализировать не только тексты, но и другие материалы (ролевые игры, художественное творчество, музыкальное, видео).

Вспомогательные методы – включенное наблюдение за ролевыми играми, беседы, интервью.

Мы разработали и применили следующую схему контент-анализа.

На этапе 1 проведен «фронтальный» контент-анализ, позволивший создать объемное представление об информационном «поток» субкультуры, актуальных, реальных и виртуальных событиях.

На этапе 2 «рейдового» контент-анализа выяснялись такие вопросы, как:

Архетипичность; «Жизненность» (имеется в виду насущная жизненная потребность представителей субкультуры в данном сюжете, теме, проблеме); Мотивирующие «силы» и их направленность; Отношение к свободе; Отношение к творчеству; Представления о смысле жизни.

Вопросы выяснялись с помощью анализа:

1. Макроструктуры: представления о конструкции мира; модели развития, сопряженные с прошлым и проектирующие возможное будущее; своеобразные «идеологемы», конституирующие глобальные («цивилизационные») отношения.

2. Выявление понятийно-тематических единиц, и в частности квазиреференциальных единиц, обозначающих взаимодействие различных «сил».

3. Пропозициональные единицы: описания ситуаций различных модальностей и оценки этих ситуаций (в частности, нас, интересовала дина-

мика оценочных суждений, их эволюция от канона к фанфикам и апокрифам, а также их осмысление и интерпретация в игровых сценариях).

4. Результаты «концептуализации» мира, тем, ситуаций, выражающиеся, в частности, в метафорах, аналогиях, примерах.

5. Художественно-поэтические единицы.

Полученные результаты и их обсуждение

Анализ эволюции субкультуры толкинистов позволил выделить три линии свободы:

- Вхождение в мир Средиземья – как **свобода ОТ** повседневного мира и догматов общества. Основные игры и события в субкультуре – по канону (канону ТМС).

- Выход за рамки канона – как **свобода ДЛЯ** появления многомерного и неоднозначного мира, в котором нет четкого деления на «белое и черное» (что свойственно каноничным текстам Толкина). Игры и события включают фанфики, появляются апокрифы.

- Конструирование миров – как свобода **СОЗИДАНИЯ ЛИЧНОСТИ-В-МИРЕ**, которые адекватны друг другу. Игры и события субкультурной реальности ориентируются не только (и не столько) на действия и сюжет, сколько на состояния и переживания, трансформацию личности героев. Среди игр появляются так называемые «элитарки», в которых могут полностью отсутствовать классические «боевые» сюжеты, а вся драма переносится исключительно в план отношений и чувств. Подобные игры часто за основу берут каноническую сюжетную линию, но ее осмысление ведется в стиле апокрифов.

В настоящее время все указанные «три линии свободы» сосуществуют в субкультурном пространстве приблизительно в равных соотношениях.

Наблюдение за локальным сообществом толкинистов в Томске показало, что в зависимости от настроения и желания членов сообщества они в коротком временном промежутке (полгода – год) организуют игры и мероприятия в разных «линиях свободы» или в различных их сочетаниях.

По результатам анализа и наблюдений мы можем описать два основных вектора аутентификации свободы представителями ТМС: эстетическое мифотворчество и этическое нормотворчество.

1. Эстетическое мифотворчество, или аутентификация свободы посредством аутентификации мифологического пространства.

Выбором этой свободы участники ТМС решают вопрос ответственности, респонзивности современного мира. Уходя в этот иллюзорный мир, они чувствуют себя способными жить в соответствии с требованием аутентификации реальности своим состоянием.

Как говорит герой фильма А. Тарковского «Сталкер»: «Это – Зона. Может даже показаться, что она капризна, но в каждый момент *она тако-*

ва, какой мы ее сами сделали... своим состоянием... Все, что здесь происходит, зависит не от Зоны, а от нас...».

В субкультуре, разделяющей реальность «Зоны», участники обретают **свой внутренний мир, ставший внешним и материальным**. Особенность (и проблема) – «Зона» субкультуры материализует не только осознанные мечты и желания, но и поднимает пласты латентного, неосознанного. Она открывает и то, что уже есть в человеке, и порождает новообразования. «Территория Сталкера» – это выбор свободы в жестких случайным образом меняющихся условиях без вынужденных жизненных ориентиров. «Зона» ТМС **аккумулирует актуальные (и актуализированные архетипы) социума, которые становятся основой субкультурной мифологии, в пространстве которых участники субкультурных сообществ «разбрасывают гайки» (ремифологизируют сознание; задают этические рамки творческих сред; создают новую идентичность)**, намечая свои тропы.

Для ТМС «толкинистов» характерна ремифологизация жизни и идентичности, происходящая в художественно-творческом контексте. Ремифологизация жизни – это возвращение мифа, сакрального, возвращение к эмоционально-чувственному восприятию мира как единого целого, подчиненному закону партиципации, а не сухой рациональности. Наблюдаемая ремифологизация не является возвращением в «детство» человечества, когда оно жило мифом, это переход на современный новый уровень восприятия мифа и мира.

Особенность российского сообщества толкинистов – отсутствие напряжения и конфликта между европейской формой исходных мифов и неевропейским содержанием и смыслами субкультуры. Первым это отметил Вал. А. Луков [9]. Такую возможность заложил сам Толкин, когда через своих персонажей «открыл дверь» архетипам. Толкин подчеркивал, что его персонажи «живут сами по себе», а он их только описывает [10]. Описание персонажа у него оказалось фактическим описанием формы архетипа. К. Юнг говорил об эффекте «пустоты» архетипа как «формы без содержания», которая может наполняться актуальным жизненным «материалом» [11]. Такая «пустотность» и есть возможность трансформации. В архетипической форме не только «кристаллизуется» прошлый опыт, но и «санкционируется» будущий. Мир Толкина прочитывается участниками ТМС как построенный по принципу придания жизни форм, которые открыты для различного содержания, адекватного форме и нацеленного в будущее. Но важным аспектом свободы содержания является способ проверки его подлинности. Как наполнить миф подлинным содержанием?

Почему участники ТМС не ограничиваются просто прочтением книг? Каким образом они выбирают свободу в ТМС? Почему они не удовлетворяются социально полезным трудом? Они играют. Но в чем ценность этой игры? Игра дает им возможность проверки на подлинность, аутентификации мира. Игра дает им возможность почувствовать «дыхание архетипической формы», наполнить собственной жизнью описание персо-

нажа, и далее персонаж в игре (как и в изначальном мире Толкина) живет «сам по себе». Логика жизни персонажа тройственная: в ней соединены личные особенности человека, играющего этого персонажа, игровой сюжет и архетип. Принимая сюжет игры, игрок автоматически актуализирует архетип. Логика игры и не подавляемая, а культивируемая индивидуальность личности «поворачивает» архетип к его восходящему, сакральному вектору. Яркая особенность – в субкультурной реальности толкинистов актуализируются архетипы, которые сочетают личностные проблемы игроков и глубинные проблемы, связанные с российской ментальностью. Участники даже говорят об «архитепической терапии». Типичный результат «архетипической терапии» – трансформация и переработка отрицательной «энергетики» архетипов в позитив. Распространенный вариант – негатив, свойственный архетипу, «изолируется» в субкультурной реальности и не мешает жизни.

Мифологический контекст произведений Толкина и создаваемый на их основе мир субкультуры как бы возвращает личность к исходным «первичным элементам» бытия, актуализируя архетип Предвечного Младенца или Внутреннего Ребенка. Согласно концепции К. Юнга этот архетип символизирует *множественное состояние самости на самых ранних этапах индивидуации* и совмещает крайне противоречивые начала: одиночество и покровительство богов, примитивную досознательность и трансцендентность, подверженность опасностям и непобедимость. Множественная самость порождает специфическую групповую реальность: «Человек, обладающий множественной самостью, бессознательно стремится отождествить себя с множественностью группы, так как только внутри группы он способен переживать свою целостность и непрерывность своего бытия» [11. С. 77–78].

Можно предположить, что молодые люди не находят в нормальном социуме возможности отождествления с группой в качестве множественной идентичности, т.е. не могут быть Героем мира. Но не потому, что в нормальном социуме нет такой возможности, а потому, что отождествления в нормальном мире не выглядят для них подлинными, настоящими, действительными, аутентичными. Молодые люди видят возможность аутентификации в субкультуре. Герой сознательно надевает маски, меняет имена и роли. Что при этом происходит с его подлинным, интимным и творческим Я («Внутренним Ребенком»)? Серж Леклер полагает, что в процессе социализации каждый человек должен трансформировать первичное нарциссическое представление Внутреннего Ребенка через его символическое убийство. Как часто мы наблюдаем в процессе «серьезной» социализации, как «внутренние дети» «умирают» сами, «делая своего носителя бесчувственным и неспособным понять свое истинное «хочу» [11. С. 78]. Сложность «отношений» с Внутренним Ребенком связана с его устойчивыми свойствами: «...какие бы трансформации не происходили в душе человека, его Внутренний Ребенок остается ребенком, чудесным и ужасающим, постоянно требующим внимания и, в какой-то момент жизни,

воплощения. Он ужасен в своем нарциссизме, но чудесен в творческой непосредственности» [11. С. 78]. «Убийство» непосредственного Внутреннего Ребенка как способ ментального воздействия на душу вряд ли приведет к чему-то позитивному, а вот к разрушению души – наверняка. Представители субкультуры толкинистов культивируют Рождение Героя при сохранении Внутреннего Ребенка. *Игровая реальность дает те самые моменты жизни, в которых безопасно и адекватно ситуации воплощается Внутренний Ребенок, избавляя личность от спонтанных и неуместных воплощений.* Культура диалога, коммуникации толкинистов через игровую реальность делает доступной сознанию, как правило, неуловимый смысл транскоммуникации [12, 13] как диалога с Иным.

Анализируя смыслы и проблемы жизни субкультуры толкинистов, мы сопоставляли их с социальными и личностными феноменами, находящими выражение в смысловых радикалах россиян. В данном анализе мы обозначили их именами известных мифологических героев.

1. *Прометей и свобода неконформизма.* Прометей в переводе с греческого – это «промыслитель», тот который мыслит будущим. Ради «будущего» герой готов страдать в «настоящем», превращая самопожертвование в специфическую жизнетворческую стратегию и тактику конкретного поведения. В субкультуре толкинистов мы встречаем два варианта героя-неконформиста: 1 – негативист, делающий (вытворяющий) что-то так же, как хулиганят дети, только потому, что это «нельзя». 2 – миссионер, готовый к самопожертвованию ради выполнения миссии, смысл которой он определяет сам. Характерный для культуры толкинистов сюжетный поворот в том, что эти два воплощения героя-Прометея находятся в непримиримой вражде друг с другом. Этот психологический радикал позволяет нам предположить, что при всей риторике свободы уход в субкультуру носит реактивный характер. Молодые люди выбирают свободу культурно-реактивно, тогда как в подлинном мире свобода выбирается инициативно. И в этом отношении стоит критически относиться к массовости и энергичности ухода молодых людей в ТМС.

2. *Нарцисс и свобода саморефлексии.* Нарцисс – символ героя, переживающего драму самопостижения, травмы отверженной любви, магические переходы и растворение себя в мире. Участники ТМС, трансформируя миры Толкина, освобождаются от распространенного в современной культуре нарциссизма. Это происходит посредством образования психологической дистанции между индивидом и миром, «зараженным» нарциссизмом. В субкультурном творчестве «энергия» самопостижения выливается в реактивное творчество. Так же как и в случае неконформизма, следует учитывать реактивный характер «ноннарциссизма» и не считать тенденцию ухода в ТМС способом «спасения от мировых проблем».

3. *Сизиф и свобода (отчаянная) активности преобразований.* Сизиф – символ героя выбравшего свободу жизни по своим желаниям, героя, счастливого в своем труде. «Я хочу, а значит, именно это и должно быть». Смысл мифа трактуется двояко: 1) как «наказание» за не всегда юридиче-

ски правильную бурную жизнь (Р. Грейвс); 2) как «счастье вечного потребления»: камень срывается с горы и появляется новая возможность (и «счастье») его снова поднимать (А. Камю, А. Маслоу и гуманистические психологи). В одной из трактовок мифа о Сизифе есть интересная сюжетная линия: сказано, что в камень Сизифа заключен «ящик Пандоры», и если Сизиф бросит камень и он разобьется, то страшный груз «ящика Пандоры» снова выйдет в мир. Таким образом, Сизиф еще и хранитель мира. Эта форма активности представителей ТМС по своей природе также не является свободным выбором. Скорее, этот вектор переживается как необходимый, неизбежный.

2. Этическое нормотворчество или аутентификация свободы посредством аутентификации этических моделей

Три выбора свободы, которые обнаруживают представители ТМС, приводят их от эстетического (потребительского) мировоззрения к мировоззрению творческому, что выражается в этическом нормотворчестве.

Субкультурная среда (в отличие от базовой культуры) – это территория, где человек *волен выбирать, в каких этических границах ему существовать*. При этом важно, из каких этических моделей может выбирать участник. В субкультурной среде реализуются принципиально разные этические модели. «Основные этические принципы – наслаждения, пользы, личного совершенствования и милосердной любви – образуются «на пересечении» двух фундаментальных противоречий морали. Первое из них – «*универсализм – партикуляризм*». В нем выражено два возможных понимания высших ценностей. С одной стороны, к ним можно отнести абсолютные, объективные, безоговорочно всеми принимаемые, составляющие благо для всех, т. е. *всеобщие* (например, десять заповедей Ветхого Завета). С другой стороны, можно принять за основу правильного нечто *частное*, т.е. то, что люди вольны полагать за благо, а вольны и перестать следовать выбранной *корпоративной* этике, покидая, например, пределы этой корпорации. Второе противоречие заключается в антитезе «*Я – другие*». В модели Р.Г. Апресяна это представлено в противостоянии приоритетного отношения к себе («*Я*») и доминировании интересов *других*» [14. С. 63].

Этическое нормотворчество в ТМС также отвечает измерениям модели, которую предложил В.А. Левин (на основе типологии Януша Корчака). В данной модели этические системы представлены как естественные основания «образовательных сред». В качестве системы координат в модели приняты «свобода – зависимость» и «активность – пассивность».

- Активность представляется как осознание собственных целей.
- Пассивность – как содействие целям других.
- Зависимость проявляется в понимании блага, правильной жизни согласно непререкаемым авторитетам.
- Свобода – в праве личного выбора понимания блага.

Ниже мы даем свою интерпретацию данной модели (табл. 1), скорректированную под ситуацию, наблюдаемую в творческих молодежных

субкультурах. В координатах «активность – пассивность» и «свобода – зависимость» располагаются четыре типа творческой среды.

Т а б л и ц а 1

Типы творческих сред в координатах активность – пассивность,
свобода – зависимость

Свобода в понимании того, что такое благо	Активность (содействие собственным целям)		Зависимость от понимания блага другими
	<i>Среда активного самостоятельного творчества</i> (реализация этики наслаждения)	<i>Среда карьерного творчества</i> (реализация этики совершенства)	
	<i>Среда безмятежного творчества</i> (реализация этики пользы)	<i>Среда догматического творчества</i> (реализация этики альтруизма)	
	Пассивность (содействие целям других)		

Заключение

На наш взгляд, эстетическое мифотворчество и этическое нормотворчество – это, возможно, не единственные, но необходимые к учету измерения при интерпретации опыта ТМС. Это два направления аутентификации свободы, образующие интегративное направление активности ТМС – создание гиперкомфортной среды, адекватной разным личностям, с разнообразными этическими установками. Выбор свободы для других является необходимым основанием выбора свободы для себя. Но другие должны быть настоящими, подлинными. При этом очевидно, что нельзя требовать от людей подлинности простыми декларативными способами. Императив аутентификации может существовать только в виде большего масштаба жизни [15]. Так, представители ТМС играют, но пространство для своих игр они создают сами и поэтому чувствуют уверенность в подлинности психологического опыта.

Прагматический вывод, который мы можем сделать из постановки и изучения проблемы аутентификации свободы в ТМС, следующий: рефлексия психологии ТМС должна осуществляться не в поле геймификации, по крайней мере не только в поле геймификации, но прежде всего в поле измерений аутентификации, т.е. рефлексии тех психологических способов, которыми участники прибавляют жизнь к свободе.

На основании проведенного теоретического анализа мы предлагаем программу дальнейшего исследования пространств аутентификации свободы. Проблематизировать эти пространства мы предлагаем в форме реляционной таблицы, в которой представлены отношения трех форм аутентификации свободы и двух направлений творческой активности (табл. 2).

Эстетическое мифотворчество в качестве первичного творческого импульса, инициирующего творческую активность, содержит мечту и

борьбу. Мечта порождает цепи коммуникативных событий, которые через игры, творчество, яркие происшествия и неприметный повседневный быт ТМС дают информацию о бытии. Бытие ТМС неизбежно принадлежит «событиям», воплощающим «центральную идею» борьбы, конфликта, противоречия. События в ТМС являются со-бытием, которое мы трактуем как совместное существование в ограниченном пространстве и времени людей, эльфов и иных существ, сообществ, вещей (в первую очередь магических, способных менять судьбы мира) и отношений между ними. События через мечту и борьбу меняют не только толкование и восприятие бытия, но само бытие.

Т а б л и ц а 2

Проявления эстетического и этического мифотворчества

Психологические проявления	Эстетическое мифотворчество	Этическое нормотворчество
Нонконформизм, аутентификация свободы нонконформизма	<p><i>Мечта</i> об идеальном прошлом, обращенная в будущее. Настоящее рассматривается как «будущее» из прошлого эпической дистанции, представленного в архаическом мифе.</p> <p>Субкультурные события строятся как Начало Мира, <i>начало цепей коммуникативных событий</i>, которые «оформляют» матрицу архетипов. В каждом актуальном событии присутствует эпическое прошлое, определяющее настоящее и будущее.</p> <p><i>Центральная идея</i> – конфликт Космоса и Хаоса, первичное творческое противоречие между стремлением к сохранению, к стабильности и стремлением к выходу за пределы, расширению границ.</p> <p><i>Актуальные вопросы</i> – творческого начала и права (или отсутствия права) на творчество</p>	<p>Субкультурный Герой нонконформист, занимающийся активным самостоятельным творчеством и отстаивающий право на такое творчество, в том числе в борьбе с Богом. Несмотря на все проблемы (и невзгоды), герой получает наслаждение от творчества. Реализуется этика наслаждения и этика совершенства. Герой полагает себя способным бросить вызов Богу и усомниться в его совершенстве. Специфика этики совершенства в данном случае – понимание себя как «достаточно» совершенного и имеющего право (подобно Богу) на творчество по подобию себя. Герой из «эпического прошлого» задает своим творчеством (в том числе творческим конфликтом с Богом) контуры будущего</p>
Ноннарциссизм, аутентификация свободы ноннарциссизма	<p><i>Мечта</i> о настоящем из прошлого и будущего (мечта о потерянном рае архаических мифов соединяется с утопической верой в будущий рай). «Счастья для всех, даром и пусть никто не уйдет обиженным» (Братья Стругацкие, «Пикник на обочине») – призыв «возделывать рай».</p> <p><i>В коммуникативных событиях</i> прошлое и утопические проекты будущего «перепроектируются» через настоящее. В частности, у</p>	<p>Субкультурный герой, драму самопостыжения превративший в «борьбу с собой». Результат борьбы – способность отречься от себя ради общего блага, способность жертвовать своими интересами. Причастность к всеобщему дает силы преодолевать любые испытания. Реализуется этика альтруизма в сочетании с этикой совершенства. В данном случае</p>

Психологические проявления	Эстетическое мифотворчество	Этическое нормотворчество
	<p>толкинистов существуют апокрифы, фанфики и игры, в которых прошлое и будущее «переигрывается» (становится совершенно иным) исходя из актуального («настоящего») понимания исходных «вечных» тем, представленных в легендарии Толкина.</p> <p>Центральная идея – конфликт между личным и всеобщим благом и от разрешения этого конфликта в настоящем происходит «прочтение» ценностей и смыслов прошлого и будущего.</p> <p>Актуальные вопросы – смысл жизни и смысл смерти (ради чего стоит жить и за что стоит умереть)</p>	<p>специфика этики совершенства – в стремлении к «деланию себя» совершенным по идеальным образцам прошлого и идеальным моделям будущего. Герой несовершенен, но постоянно стремится к совершенству</p>
<p>Нонкарьеризм, аутентификация свободы нонкарьеризма</p>	<p>Мечта об идеальном будущем, обращенная в настоящее и эпическое прошлое. Актуализируется сакральный «вектор» веры в благое будущее, через который, словно через решето, просеиваются коммуникативные события.</p> <p>Коммуникативные события «завязаны» на поиск идеальных моделей реальности.</p> <p>Центральная идея – конфликт между «благом» (симулякрами и т.п.) «искаженного мира» и «благом» мира «подлинного».</p> <p>Делается акцент на <i>неутилитарной</i> компоненте жизни, возможности, с одной стороны, «восходящей» жизни Души, а с другой – «нисходящей» жизни желаниями под которые «выстраивается» реальность.</p> <p>Актуальные вопросы – соотношение «гедонии и эвдемонии», восходящего и нисходящего вектора понимания блага</p>	<p>Субкультурный герой, противостоящий миру. Он «выбирает» то, что ему нравится, и либо игнорирует, либо пытается уничтожить то, что не нравится. В ТМС присутствуют два ярко выраженных варианта борца с реальностью: один «выбирает» полезное исходя из своего личного понимания блага, другой – исходя из «всеобщего» понимания блага. В том и другом случае реализуется этика пользы в сочетании с этикой совершенства. В данном случае специфика этики совершенства – в стремлении к конструированию иной «совершенной» реальности, совершенствование мира внешнего</p>

Этическое нормотворчество представляет собой весьма своеобразное определение пределов допустимого творчества (и творческой активности). Понятие «допуска» означает пределы возможных отклонений от номинально заданного значения (некой «нормы»). В социальных системах пределы допустимого в творчестве всегда задавались культурой и религией. ТМС объединяет функции культуры и религии в своем мифе. В ТМС «этическое нормотворчество» представляет собой поиск «нормативных»

оснований, различающихся в зависимости от форм аутентификации свободы и принятой мифотворческой идеи. Воплощением (материализацией) этического нормотворчества в ТМС стал субкультурный герой.

В целом творческая активность ТМС представляет движение субкультурного героя к мечте в пространстве аутентификации свободы.

Мечта, берущая начало в мифе ТМС, – это *мечта о благе*, понимаемая в ТМС как конструирование социальной реальности, отвечающей этой мечте, и «созидание себя» (практики себя) как культурного героя, адекватного конструируемой реальности. В ТМС под «адекватностью» понимается не только соответствие неким идеалам, но и возможность проверять все эти идеалы «на прочность» через борьбу, испытания, приключения. Субкультурного героя увлекает в странствие мечта о благе, он «путешествует» в «одежде» разных архетипов по пространству и времени мифа; проходит «этические испытания», попадая в ситуации ценностных, смысловых и этических конфликтов; странствует в поисках своих, своего, собственной идентичности. Особо значимая черта – субкультурный герой постоянно рефлексивирует свой СПОСОБ существования в этом странствии.

Эстетическое мифотворчество представляет три «горизонта» мечты, воплощенной в трех «временных» аспектах мифа:

- архаический миф и мечта об идеальном прошлом, потерянном рае;
- утопический миф и мечта об идеальном будущем, вера в возможность рая на земле;
- то, что мы обозначили как «миф возделывания», – мечта о настоящем, призыв возделывать рай, в котором соединился эпический рай прошлого и вера в рай будущий.

Следующий значимый момент – мифологические нарративы в ТМС являются способом переживания времени, диапазон которого задан мифом «от начала времен», от той точки, когда еще не было времени как «длительности», но было Событие. И любое «современное событие» в субкультуре одновременно оказывается со-временным эпохам, представленным в мифах. Прошлое, настоящее и будущее постоянно переструктурируются за счет рефлексии представителей ТМС относительно происходящих событий. Нарративы ТМС зачастую лишены строгой «исторической» временной последовательности в том числе и потому, что центральные сюжеты разворачиваются вокруг вечных тем, являющихся основанием этического нормотворчества.

Таким образом, мы разработали исследовательскую модель, позволяющую наблюдать и анализировать актуальные состояния ТМС, а также выявлять тенденции их дальнейшего развития.

Литература

1. Лукьянов О.В., Частоколенко Я.Б., Котикова К.О. Псевдосоциализация в творческих молодежных субкультурах // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 87–93.
2. Частоколенко Я.Б. Особенности коммуникативного мира молодежи, участвующей в полигонных ролевых играх // Психология обучения. 2011. № 6. С. 79–97.

3. Частокolenко Я.Б., Котикова К.О. Специфика актуализации потенциала достигшей личности в творческих молодежных субкультурах // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 374. С. 163–170.
4. Частокolenко Я.Б., Котикова К.О. Youth Subcultures as a Sphere of Communicative Process Synthesis in Transcultural, Transreligious and Transpersonal Scale (Творческие молодежные субкультуры – среда синтеза коммуникативных процессов транскультурального, трансрелигиозного, трансперсонального масштабов) // Вопросы философии и психологии. 2014. № 1. С. 12–20.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. Л. : Наука, 1983. Т. 25.
6. Лукьянов О.В. Проблема идентичности и психологическая ригидность в психологической и образовательной практике : дис. ... канд. психол. наук. Томск, 1999.
7. Лукьянов О.В., Дрёмов С.В., Тюлюпо С.В., Уткин А.В., Золотовский А.В., Писаренко Н.В., Гумерова Р.В., Тарасова А.Г. Поиск идентичности – экзистенциальный опыт в образовании / под ред. О.В. Лукьянова. Томск, 2001.
8. Таратута Е.Е. Философия виртуальной реальности. URL: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/evmak/taratuta.pdf> (дата обращения: 01.02.2013).
9. Луков В.А. Молодежные субкультуры в современной России. URL: http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Lukov_Val/4/ (дата обращения: 03.06.2014).
10. Лихачева С. Миф работы Толкина: о творческом наследии английского писателя-филолога. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/about/lih.shtml> (дата обращения: 06.06.2014).
11. Лаврова О.В. Глубинная топологическая психотерапия: идеи о трансформации: Введение в философскую психологию. СПб. : Издательство ДНК, 2001. 424 с. (Новые идеи в психологии).
12. Кабрин В.И. Ноэтическая природа транскомуникативной потенциализации базовых человеческих отношений в образовании // Транскомуникация: преобразование жизненных миров человека / под ред. В.И. Кабрин. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 334–381.
13. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскомуникативный потенциал жизни личности: теория, методы, исследования. М. : Смысл, 2005. 248 с.
14. Мелик-Гайказян И.В. Методология моделирования структур элитного образования // Высшее образование в России. 2006. № 11. С. 57–75.
15. Лукьянов О.В. Принцип транстемпоральности в решении вопроса успешности и актуальности психологической практики // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 59–66.

Поступила в редакцию 16.05.2016 г.; принята 23.06.2016 г.

Сведения об авторах:

ЛУКЪЯНОВ Олег Валерьевич, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: lukyjanov7@gmail.com

ЧАСТОКОЛЕНКО Яна Борисовна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии личности Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: chastokolenko.yana@yandex.ru

КОТИКОВА Кристина Олеговна, магистрант факультета психологии Томского государственного университета (Томск, Россия).

E-mail: Laurefin@yandex.ru

FREEDOM AUTHENTICATION IN CREATIVE YOUTH SUBCULTURES

Siberian journal of psychology, 2016, 61, 91–108. DOI: 10.17223/17267080/61/7

Lukyjanov Oleg V., Chastokolenko Jana B., Kotikova Krystina O. Tomsk State University (Russian Federation)

E-mail: lukyjanov7@gmail.com; chastokolenko.yana@yandex.ru; Laurefin@yandex.ru

Keywords: authentication; freedom; creativity; identity; youth subculture; trueness; phantom; myth; ethical; aesthetic.

The article is devoted to the problem of freedom authentication (trueness check) in the experience of a modern person through the example of a creative youth subculture. The authentication problem turns up as a necessary complement to a person's identification experience in the context of virtualization, creative education and self-determination that are typical for the modern world. Nowadays to identify oneself with the world or with its part is not enough. It is also necessary to prove your identification. That is what we call the authentication problem. We have analyzed a number of materials that represent the field and activities of creative youth subcultures. It allows us assuming that modern creative youth subcultures are a form of confronting the fabulousness, the illusiveness and the unreality of the freedom of choice imperative that everyday demagoguery offers. Instead of it they affirm the choice of freedom imperative, topical these days. The article represents the theoretical analysis of different choice of freedom senses in the focus of freedom experiences, forms and narratives psychological authentication.

Participants of creative youth subcultures form a number of fields that correspond to choice of freedom authentication. These are:

- A field of a myth, a field of "sacral being trueness". It is a field of "aesthetic myth-making", and in its center there is a dream of weal. In creative youth subcultures they understand the weal as the process of constructing a desired social reality and as a "self-creation" (self-practice) of a cultural character suitable for constructed reality. Creative youth subcultures understand suitability not only as a correspondence to some icons and ideals, but also as a possibility to challenge these ideals through fight, examination and adventure. A character goes on the journey because of his dream about the weal; he travels "dressed" in different archetypes through the space and time of a myth. He passes ethic tests by experiencing different situations of value, sense and ethical conflicts, he travels in search of his own, his identity. What is important is that a subcultural character is constantly engaged in self-reflection of his WAY of being in this journey.

- A field of ethic creativity (rulemaking), a field of "social being trueness". Subcultural environment (unlike basic culture) is a territory where a man can choose ethical borders of his life. The choice of ethical models is important. In subcultural environment they realize different ethical models, among them are models of pleasure, utility, perfection, and altruism. Based on these models specific creative environments are formed in creative youth subcultures. These are the environments of active independence, insouciance, career and creativity, and they correspond with the needs of youth.

- A field of own, a field of "true identity". Here the identity of a person in the changing world is formed.

We created a research model that allows observing and analyzing current conditions of creative youth subcultures and educing trends of their future development.

References

1. Lukyanov, O.V., Chastokolenko, Ya.B. & Kotikova, K.O. (2014) Psevodosotsializatsiya v tvorcheskikh molodezhnykh subkul'turakh [Pseudosocialisation in creative youth subcultures]. *Voprosy psikhologii*. 5. pp. 87-93.
2. Chastokolenko, Ya.B. (2011) Osobennosti kommunikativnogo mira molodezhi, uchastvuyushchey v poligonnykh rolevykh igrakh [Specificity of the communicative world of the youth taking part LARPG]. *Psikhologiya obucheniya – Psychology of Education*. 6. pp. 79-97.
3. Chastokolenko, Ya.B. & Kotikova, K.O. (2013) The specificity of actualization of the individual's achievements potential in creative youth subcultures. *Vestnik Tomskogo*

- gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 374. pp. 163-170. (In Russian).
4. Chastokolenko, Ya.B. & Kotikova, K.O. (2014) *Tvorcheskie molodezhnye subkul'tury – sreda sinteza kommunikativnykh protsessov transkul'tural'nogo, transmental'nogo, transpersonal'nogo masshtabov* [Youth Subcultures as a sphere of communicative process synthesis in transcultural, transreligious and transpersonal scale]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1. pp. 12-20.
 5. Dostoevsky, F.M. (1983) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 25. Leningrad: Nauka.
 6. Lukyanov, O.V. (1999) *Problema identichnosti i psikhologicheskaya rigidnost' v psikhologicheskoy i obrazovatel'noy praktike* [The problem of identity and psychological rigidity in psychological and educational practice]. Psychology Cand. Diss. Tomsk.
 7. Lukyanov, O.V., Dremov, S.V., Tyulyupo, S.V., Utkin, A.V., Zolotovskiy, A.V., Pisarenko, N.V., Gumerova, R.V. & Tarasova, A.G. (2001) *Poisk identichnosti – ekzistentsial'nyy opyt v obrazovanii* [The search for identity – Existential experience in education]. Tomsk: [s.n.].
 8. Taratuta, E.E. (n.d.) *Filosofiya virtual'noy real'nosti* [The philosophy of virtual reality]. [Online] Available from: <http://philosophy.spbu.ru/userfiles/evmak/taratuta.pdf>. (Accessed: 1st February 2013).
 9. Lukov, V.A. (2007) *Molodezhnye subkul'tury v sovremennoy Rossii* [Youth subcultures in modern Russia]. [Online] Available from: http://www.zpu-journal.ru/gum/new/articles/2007/Lukov_Val/4/. (Accessed: 3rd June 2014).
 10. Likhacheva, S. (1993) *Mif raboty Tolkiena: o tvorchestvom nasledii angliyskogo pisatelya-filologa* [The myth of Tolkien's work: About the creative heritage of the English writer and philologist]. [Online] Available from: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/about/lih.shtml>. (Accessed: 6th June 2014).
 11. Lavrova, O.V. (2001) *Glubinnaya topologicheskaya psikhoterapiya: idei o transformatsii: Vvedenie v filosofskuyu psikhologiyu* [Deep topological psychotherapy: The idea of transformation: Introduction to philosophical psychology]. St. Petersburg: DNK.
 12. Kabrin, V.I. (2011) *Noeticheskaya priroda transkommunikativnoy potentsializatsii bazovykh chelovecheskikh otnosheniy v obrazovanii* [Noetic nature of transcommunicative potentiation of basic human relations in education]. In: Kabrin, V.I. (ed.) *Transkommunikatsiya: preobrazovanie zhiznennykh mirov cheloveka* [ITC: transformation of human life-worlds]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 334-381.
 13. Kabrin, V.I. (2005) *Kommunikativnyy mir i transkommunikativnyy potentsial zhizni lichnosti: teoriya, metody, issledovaniya* [Communicative world and transcommunicative potential of the individual life: Theory, methods, and research]. Moscow: Smysl.
 14. Melik-Gaykazyan, I.V. (2006) *Metodologiya modelirovaniya struktur elitnogo obrazovaniya* [Methodology of elite education structure modelling]. *Vysshhee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 11. pp. 57-75.
 15. Lukyanov, O.V. (2007) *Principle of transtemporality in psychological practice*. *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 25. pp. 59-66. (In Russian).

Received 16.05.2016;

Accepted 23.06.2016